

гие. Ж. Деррида прав, говоря об онтологической относительности любого перевода. Очевидно, что абсолютно точный перевод невозможен.

XX столетие отмечено принципиальными прорывами цивилизации – информационными технологиями, всепроникающими масс-медиа, успехами урбанизации, демократизации, началом глобализационно-интеграционных процессов. Тенденции современной информационно-урбанистической цивилизации к тотальной стандартизации, к нивелировке национальной и религиозной самобытности, к унификации не только политико-экономических, но и духовных структур привели к тому, что мы сегодня становимся свидетелями повсеместного оживления национального самосознания, стремления народов к сохранению и воспроизводству своей культурной идентичности, самобытности, одним словом, мы становимся свидетелями развертывания идеи национального возрождения. Но, к сожалению, не всегда и не везде процессы национального ренессанса проходят так гладко, так демократично, как хотелось бы, и в результате – иные проявления национального возрождения порой угрожают гражданскому и международному миру.

В периоды глубинных перемен, происходящих в обществе, всегда актуализируется проблема понимания. Как отмечал Г. Гадамер, «она встает всякий раз, когда терпят крах попытки установить взаимопонимание между регионами, нациями, блоками и поколениями...» [1, с. 43]. Национальное возрождение в наше беспокойное время предполагает не замыкание на своей «самости», не консервацию архаических представлений того или иного народа, а раскрытие коммуникативного потенциала его культуры.

Перевод достаточно хорошо изучен как лингвистическая, психолингвистическая, литературоведческая проблема, в то время как культурологический подход к исследованию перевода как средства взаимного сближения национальных культур является сегодня достаточно новым. Именно он позволяет показать взаимообогащение культур через перевод.

Список литературы

1. Гадамер Г. Актуальность прекрасного. – М.: 1991.

УДК 18

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТРАГЕДИИ СОФОКЛА «ЦАРЬ ЭДИП»

С.В. Шевцов

Днепропетровск, Украина

Обращение к Софоклу и его трагедии «Царь Эдип» возникло в ходе прояснения трансцендентально-антропологических оснований поэтического мышления. История злосчастного сына Лайя и Иокасты, скитальца, разгадывателя загадок, отцеубийцы, кровосмесителя, уходящая корнями в Фиванский мифологический цикл, вдохновлявшая Эсхила, Л.А.Сенеку, П.Корнеля, Вольтера, Г.Гюго, Г.Гюгмансталя, В.Озерова, Ж.Кокто, А.Жида, И.Стравинского, Дж.Энеску, П.П.Пазолини и др., ставшая благодаря гению Софокла абсолютным вопло-

щением самой идеи жанра трагедии (Аристотель, Ж.Расин, Ф.Шиллер) и поэтической реализацией смыслового содержания эпохи (С.Аверинцев), интерпретируемая в мозаичном поле, где соприкасаются психоанализ (З.Фрейд, К.-Г.Юнг, Э.Фромм, Э.Вебер и др.), структурализм (В.Пропп, К.Леви-Строс и др.), логика (Г.Фреге, Р.Карнап, В.Руднев и др.), постмодернизм (Ж.Делёз, Ф.Гваттари и др.), архетипна, и, аккумулируя в себе ключевые метафизические интенции античности, задаёт одну из парадигм европейской культуры.

Так, Ф.Ницше увидел в ней единство и борьбу двух фундаментальных начал бытия: аполлонического и дионисического, а самого Эдипа – маской Диониса, З.Фрейд приоткрыл одну из страшнейших тайн человеческого существования, сокрытую в пучинах нашего бессознательного: антиномичность мучительного желанья и яростной боязни кровосмешения. Вопрос, с которым я подошёл к трагедии, заключался не столько в постановке под сомнение тотальности фрейдовского тезиса инцестуальности, сколько в возможности выявить метафизическое содержание трагической судьбы Эдипа, которая мне видится глубоко философичной. Эдип – философ по своему жизненному настрою, состоянию духа осмелившийся узреть вещи такими, каковы они есть на самом деле, нашедший мужество заглянуть своей судьбе в лицо, и своими деяниями преодолевший лежащее на нём проклятие, заслужив долгожданное очищение и став для Афин своего рода охранной грамотой. Вот почему ключевой проблемой здесь выступает трагедия самопознания (на это указывают исследования Ф.Шиллера, Э.Вебера, А.Пятигорского, В.Ярхо и др.), раскрытие которой невозможно без вскрытия мифологических основ трагедии.

Именно миф, а не эпос, согласно Аристотелю, основа греческой трагедии. В свою очередь, трагедия, возникнув в классическую эпоху, когда произошли существенные культурно-онтологические изменения, связанные с борьбой сакрального и рационального начал, помогала мифу сохраниться, и, тем самым, выжить коренным устоям бытия (Ф.Ницше). В трагедии Софокла мне видятся две взаимообуславливающие мифические плоскости: «сакральное – профанное», задающая направленность судьбы Эдипа, и «аполлоническое – дионисическое», определяющая напряжённость и трагичность его бытия.

Жизнь Эдипа как кульминационный эпизод Фиванского цикла развивается на пересечении хтонического, героического, дионисического мифов, чьё действие разворачивается на границе сакрального, вечного, бесконечного, и профанного, дольного, конечного, конкретными локусами которых были Фивы, Коринф, Дельфы, Афины. Сама же трагедия в античности, в отличие от современного театра, представляла собой не изолированный эстетический феномен, но воспроизведение серьёзного и законченного действия, и, в то же время, воспроизведение действием, а не рассказом, что пробуждало состояния страха, сострадания, очищения (Аристотель), и потому в равной мере охватывало слушателей (профанное бытие), актуализируемые трагедией нуминозные силы (сакральное бытие), и самих исполнителей как посредников между сакральным и профанным (В.Буркерт), и потому трагедия в своих истоках была мистериальным действием или, как писал И.Хёйзинга, богослужением.

Объективный аспект плоскости «сакральное – профанное» представлен хтонической, героической, дионисической мифологиями. Воплощением хтонизма в трагедии выступает Сфинкс, олицетворявший матриархальный порядок бытия, подчинённость человека силам Земли, а также тайное знание, запечатлённое в её знаменитом вопросе о человеке. Победа Эдипа над вещуньей, его воцарение в Фивах, проблематика знания-власти, разгоревшаяся между ним и Креонтом, фундируют собой мифологию героизма с присущим ей возрастанием роли ант-

ропологического начала в бытии, комплементарно дополняющийся мифом проклятия, сопровождающим события трагедии. Дионисическая мифология возникла как возможность синтеза хтонизма и героизма, фундируя само бытие трагедии: Дионис – её нуминозный покровитель, Софокл – апологет Аполлона. Аполлонизм и дионисизм порождают мифологию вины, без которой невозможна проблематика самопознания. Если софисты и Сократ совершили антропологический поворот в философии, то Софокл это сделал в трагедии, о чём говорят и характер поднятых им проблем в трагедии, и специфическая аналитическая техника «Царя Эдипа». Сама направленность бытия Эдипа, начиная с вопроса в Дельфах, поединка со Сфинксом, воцарения в Фивах и последующего его разоблачения, вплоть до обретения приюта в Колоне, есть трагический путь самопознания.

Субъективный аспект «сакральное – профанное» раскрывается в точках проникновения в бытие человека нуминозных сил, среди них: диафрагма (phreḡa), разум (noos), богатство, благополучие, счастье (olbos).

Плоскость «аполлоническое – дионисическое» представлена рядом аспектов. Во-первых, функции, обоюдно выполняемые Аполлоном и Дионисом: пророческая, карательная, освобождающая, катартическая. Пророчество определяет содержание пророчеств, идущих из Дельф. Карательная функция раскрывает действие механизма проклятия. Комплементарно с ней дополняет освободительная функция, показывающая действие противоположных механизмов. И, наконец, катарсис, в отличие от своего медицинского содержания в хтонической мифологии, обладает здесь не просто моральным, но экзистенциально-преображающим характером. Во-вторых, взаимное пересечение Аполлона и Диониса: а) целое, предшествующее частям, и целое, состоящее из частей; б) объективная оформленность и субъективное самосознание; в) спокойная неподвижность, индивидуальность, созерцательность, и чудовищный ужас, всеединство, изначальная скорбь. В-третьих, напряжённость самопознания как экзистенциальный зазор, просвет бытия между объективно существующим знанием и субъективно имеющимся незнанием, что и выступает внутренней побудительной силой действий Эдипа. В-четвёртых, Тюхе как постоянство непостоянной судьбы, обладающей такими чертами как бинарность, стохастичность, детерминизм, генетичность, временность. Последняя раскрывает темпоральное измерение аполлонизма и дионисизма как синтеза *chronos* и *kairos* – трагического времени и времени трагедии.

УДК 17.022

ИНТЕГРАТИВНАЯ РОЛЬ ЦЕННОСТНОЙ ФУНКЦИИ ФИЛОСОФИИ*

А.С. Архангельская
Симферополь, Украина

Целых тысячу лет – с V века до н. э. до V в. н. э. просуществовала в истории философии школа киников (но не циников в современном понимании!), душой которой называли этику.

Поздний стоицизм и раннее христианство тоже объединял почти единый этический фундамент. Именно «почти», ибо если для стоиков сострадание по-